

Анатолий Горбатюк

Об истинном покорителе Измаила в декабре 1790 года

...Идея Иосифа де Рибаса создания Черноморской гребной флотилии из затопленных турецких лодок сразу же вызвала многочисленные насмешки. А.В.Суворов тоже оказался поначалу среди скептиков. Вскоре последние были посрамлены: флотилия, созданная в конце 1789 года, покрыла себя неуязвимой славой победоносными действиями на Дунае и активным участием во взятии Измаила в декабре 1790 года. Командиром флотилии с экипажем из черноморских казаков был сам Иосиф де Рибас. Его брат Эммануил командовал размещенным на лодках флотилии отрядом гренадеров. И здесь обратимся к замечательной поэме Д.Байрона «Дон Жуан», где 7-я и 8-я песни посвящены штурму Измаила и благодаря использованию Байроном сербнейших первоисточников, несут документальный характер, где читаем:

...И к де Рибасу вмиг помчался бей, спеша

Уведомить, что флаг готов спустить наша...

Речь явно идет о капитуляции. Так почему же глупый бей, видимо, все перепутав, спешит к де Рибасу? Ведь безоговорочно известно, что покоритель Измаила – Александр Суворов, и только он! Эту, ставшую прописной, истину легко обнаружить в любом учебнике – как досоветских, так и советских времён. Оказывает, все далеко не так просто. И то, что хорошо знали участники описываемых событий, должны узнать и люди нынешнего поколения: кто всё же является истинным покорителем Измаила. И напомним: Байрон в качестве исторической подосновы использовал, в первую очередь, изыскания Габриэля де Кастельно, «автора одного из первых фундаментальных трудов по истории Новороссии и близкого друга герцога Ришелье», по словам признанного специалиста по истории нашего края Е.В.Полевщиковой.

Мы же возвращаемся под стены турецкой твердыни на Дунае.

...Очевидцы и участники тех событий единодушны: именно казаки Чепеги и Головатого, а также гренадёры-десантники под командованием Эммануила де Рибаса, составляющие экипаж Черноморской гребной флотилии при руководстве Иосифа де Рибаса, – именно они решили исход штурма Измаила. Де Рибас, справедливо полагая, что Измаил, находящийся в фактической блокаде, нужно немедленно брать штурмом, написал несколько рапортов на имя Г.А.Потёмкина:

«И русский генерал, известный де Рибас,

Упорно требовал от генералитета Назначить общий штурм, но получил отказ...», – подчёркивает Байрон.

Граф де Ланжерон позднее писал по этому поводу: «Смелость предприятия адмирала де Рибаса, быстрое покорение Тульчи, потом Исаки дали основания думать, что попытка взять Измаил может иметь успех». Потёмкин же, несмотря на настойчивые указания Екатерины быстрее покончить с турками, медлил. Во-первых, он очень сомневался в успехе штурма, считая Измаил неприступной крепостью. Во-вторых, он и мысли не допускал, чтобы иностранец Рибас поставил победную точку в затянувшейся кампании. В-третьих, Потёмкин, с некоторых пор, резко изменил своё отношение к нему, на что была весьма веская причина личного характера – ревность. Старейший Потёмкин получил основания видеть в де Рибасе серьезного

соперника в его отношениях с императрицей. Кроме того, определённую роль сыграла и депеша коменданта крепости султану, беспокоящемуся о её судьбе, перехваченная казачьим разведком. «Скорее Дунай потечёт в обратном направлении, нежели неверные овладеют Измаилом», – писалось в ней. И текст депеши – не пустое бахвальство. Крепость была защищена земляным валом, высота которого составляла 4 сажени, а вокруг вала был выкопан глубокий ров. На нем находилось не менее трехсот орудий. Гарнизон крепости насчитывал 35 тысяч хорошо подготовленных воинов, и ее вполне можно было считать неприступной.

Видя «непробиваемость» высшего руководства, Рибас решает на отчаянный шаг – самостоятельно штурмовать Измаил, сумев привлечь на свою сторону и сделав единомышленником казачьего атамана Матвея Платова – будущего героя Отечественной войны 1812 года...

...Густой туман, сменившийся мокрым снегом, помешал де Рибасу в назначенный им день идти на штурм. Тут ещё М.И.Кутузов, ябедник, прослышав о секретном плане, поставил в известность о нём А.В.Суворова, а тот, в свою очередь, – главнокомандующего Г.А.Потёмкина. После страшнейшего скандала принимается план... Рибаса, но с коррективами – штурмом должен руководить обязательно русский генерал, для чего под Измаил за восемь(!) дней до окончательно установленной даты приступа, когда уже оговорены важнейшие детали, прибывает А.В.Суворов. Открывая военный совет, он шуточно грозит пальцем де Рибасу и, кивнув в сторону М.И.Кутузова, произносит ставшую знаменитой фразу: «Его и Рибас не проведёт!..».

...Штурм крепости состоялся 11 декабря 1790 года. Как справедливо пишет профессор А.О.Добролюбский, он «...описан многократно, но тенденциозно... Атака главных сил русских войск была задумана как отвлекающая. Основную задачу должен был решать флот (курсив мой – А.Г.)».

События разворачивались следующим образом. Части, руководимые Кутузовым, при попытке захватить расположенный в западной части крепости бастион, откуда турки вели прицельный огонь по прилегающей местности, были отброшены. Без решения этой задачи не могло быть и речи об овладении крепостью. Но казавшийся неприступным бастион был всё же взят, – но не с суши, а с Дуная. Это сделали казаки Чепеги и Головатого и морские гренадёры Эммануила де Рибаса (среди них были Ришелье и Ланжерон). Руководящий их действиями Иосиф де Рибас проявил и личную доблесть, со шпагой в руках первым ворвавшись на бастион. Крепость пала. И теперь понятно, почему именно к Рибасу мчался не такой уж и глупый бей...

Соответственно личному участию последовали награды. Суворов, чьё непосредственное участие во взятии Измаила было лишь «ритуальным» (выражение А.О.Добролюбского), производится в подполковники Преображенского полка (полковником была сама императрица); Ришелье за личное мужество награждается Св.Георгием 4-ой степени и золотой шпагой; М.И.Кутузов – Св.Георгием 3-ей степени. Де Рибас же (вниманию!) получает Св.Георгия 2-й степени (этим орденом награждают тех, «кто, лично предводительствуя войском, возьмёт крепость» (курсив мой – Автор). Такую награду имели толь-

ко восемь офицеров российского флота. Кроме того, ему вручается шпага, усыпанная бриллиантами. В добавление к этим высочайшим наградам Рибас получает право на владение имением в 800 душ в Могилёвской губернии.

«...На третий день после штурма генерал Суворов обедал на борту корабля де Рибаса и высказал много комплиментов, приписывая ему, Рибасу, и не без основания, наибольшую долю чести этого подвига». Приведённая фраза принадлежит Ришелье – человеку, чья честность ни у кого сомнений никогда не вызывала. Как видим, великий полководец Александр Суворов, обессмертивший свое имя во множестве выигранных им сражениях, не нуждается в приписывании ему подвигов, которые он не совершал...

«Если посмотреть на изображение дореволюционного герба Измаила, – пишет А.Добролюбский, – то можно увидеть казацкую чайку на волнах Дуная, «кавальер» (ту самую каменную башню – А.Г.), казацкую саблю и поверженный мусульманский полумесяц. А также знак Георгиевского креста. Составители герба знали, кто был главным действующим лицом при штурме Измаила – Черноморские казаки и десантники-гренадёры под командованием Иосифа де Рибаса».

Ланжерон при штурме Измаила находился в первой десантной колонне (всего таких колон было три), которой командовал генерал-майор Николай Дмитриевич Арсенев, попавшей под шквальный огонь турок. Получил легкое ранение, но, как вспоминал А.В.Суворов, «...оказал отменную неустранимость в атаке неприятеля», за что награжден золотой шпагой, на которой значилось: «За храбрость».

«Французские волонтеры покинули Измаил с ощущением исключительности приобретенного ими опыта – и военного, и человеческого. Они были свидетелями настоящей бойни (приказ Суворова был «взять Измаил любой ценой»), героизма солдат и офицеров, но и мелочной зависти генералов русской армии к успехам друг друга и интриг при «дворе» Потемкина». Это мнение Е.Полевщиковой. Трудно не согласиться...

Штурм Измаила и все события, связанные с ним, оставили глубокий след в мировоззрении французов – участников штурма. В своих воспоминаниях, в частности, в «Записке о штурме и взятии Измаила русскими 21 декабря 1790 года г-на Ланжерона, французского офицера, волонтера русской армии», датированной 7 марта 1791 года, он тщательно анализирует как ход подготовки к штурму, так и сам штурм. Ланжерон достоверно описывает потери русских войск и неприятеля. «Штурм, предпринятый в Измаиле, – пишет он, – кровавое событие, превосходящее даже штурм Очакова». И далее: «Этот бой продолжался пять часов: турки были изгнаны с крепостных стен; они забаррикадировались на улицах, и каждый дом был осажден. Наконец в полдень четыреста турок (оставшихся из тридцати тысяч, защищавших город) сложили оружие, и бой прекратился. Последовавший страшный грабеж закончился лишь на следующий день. Почти во всех колоннах мы потеряли треть убитыми и ранеными, а в одной – две трети. На 23 тысячи участников штурма приходилось от 6 до 7 тысяч жертв... Обеспечив русским столько преимуществ для последующей кампании, взятие Измаила вынудит турок заключить мир. Потребовалось

несколько дней, чтобы убрать трупы, которыми были заполнены рвы, земляные валы, улицы и большие площади. Не могло быть и речи о том, чтобы спасти раненых, почти все были безжалостно добыты. Были пленные, которые при виде этой жуткой бойни умерли от страха...»

Пагубное впечатление от чрезмерной жестокости победителей высказывали и другие участники штурма, в частности, друг Ланжерона герцог Ришелье. «Прискорбно, что этот триумф стоил такой крови и что он был осквернен беспримечной в истории резней...», – напишет он в своем «Дневнике».

Заканчивая рассказ об историческом штурме Измаила 21 декабря 1790г., Автор не может не подивиться тонкостям российской дипломатии вокруг этой крепости на Дунае, игравшей стратегическое значение не только для Османской империи, но и для России. Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. отдельный корпус под командованием генерала Н.В.Репнина берет эту крепость, которая в течение полугода становится базой российской Дунайской флотилии. На обустройство такой базы затрачиваются колоссальные людские и финансовые ресурсы. Проходит три с небольшим года, и в июле 1774 года заключается Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по условиям которого Измаил... возвращается Турции.

Взятие Измаила в декабре 1790 г., по мнению специалистов, заставило турок искать скорейшие пути к завершению этой войны. Забегая вперед, отмечу: мирный договор будет подписан с большими привилегиями для России в декабре 1791 г. в Яссах. Кстати, с российской стороны, в числе других, договор подписал и Иосиф Михайлович де Рибас. Мог ли он почувствовать тогда, что через несколько лет, на закате лета 1794 года, на землях, полученных Россией в результате подписанного им договора, он станет главным основателем прекрасного города – Одессы?.. Но вот Измаил – вновь возвращается Турции. И свою «прописку» этот город на Дунае будет еще не раз менять. Сложное, все-таки, это дело – дипломатия. Пьер Буаст, знаменитый французский философ и лексикограф, современник тех событий, глумливо замечает: «Чернила дипломатов легко стираются, если они не посыпаны пушечным порохом»...

«Самый замечательный штурм, который, по-моему, когда-либо происходил. Я рад и счастлив, что участвовал в нем, но был бы весьма расстроен, если бы пришлось опять увидеть это зрелище», – напишет в своих мемуарах граф Роже де Лама, впоследствии губернатор Лиона.

А для Ланжерона, как утверждали его современники и что явствует из оставленных им мемуаров, 1790-й год являлся главным годом всей его жизни...